

РАССКАЗЫ

РОЗОВЫЙ БАНКОМАТ

(Сказ об одном паникере)

— Надя, ты спишь?

— А? Что? Сколько время-то? На работу встаем же утром, — промяукала девушка.

— После такого разве уснешь?..

Молодая пара средних лет ворочалась в помятой кровати: он от закипающих в голове планов, она от прерванного сна.

— В общем, ты как хочешь, а я уже точно не усну, — заявил Григорий, продолжая нервно водить пальцем вверх-вниз по потертому экрану американско-китайского смартфона, заикливо хмуря облысевший лоб при перечитывании взбудоражившей и без того беспокойный ум новости. — На вон, я тебе сейчас процитирую.

— А чего прям сейчас обязательно? До утра никак не потерпит? — хрипло пробурчала Надя. — Ладно, валяй, все равно и так уже разбудил.

— Читаю: «Банк России с девятого марта по девятое сентября две тысячи двадцать второго года запретил банкам выдавать клиентам больше десяти тысяч долларов и продавать им наличную валюту». Между прочим, новость от «BBC News», — и тихо добавил: — По ходу дела реально всё.

— Чего все-то? Ну, запретил и запретил. Дальше-то что? Или ты от меня за границу бежать собрался со всеми деньгами? — спросила она. — А вот и не выпустят тебя со всеми твоими неоплаченными штрафами и просроченными платами по алиментам. Хотя сегодня на поезде все равно далеко не уедешь, — и ухмылка отразилась на ее модных гиалуриновых губах.

— Давай вот сейчас не будем приплетать. Настроение совсем не то. Да и, если честно, объяснять вообще неохота. Опять начнешь тормозить и задавать дурацкие вопросы.

— Нет уж. Давай объясняй, раз такое дело, — и она улеглась на спину.

Гриша, как обычно бывало в подобных случаях, пришел в раздражение, но психовать не стал, а собрался с силами и начал доносить созревшую идею до подружки. Печально вздохнув, он выдал скороговоркой заправского телеведущего:

— Если без особых подробностей, то пока не поздно, пока остальные не очнулись, нам с тобой надо все рублевые накопления перевести в доллары или лучше даже евро и сразу же их снять в ближайшем банкомате, потому что это точно всё!

— Ничего не понимаю, — Надя морщила бледный лоб. — «Точно всё» — это ты сейчас про что конкретно?

— Это было ожидаемо и предсказуемо.

— Ну, извините. Моя фамилия не Кашпировская, мысли не читаю.

— А он их и не читал. Он лечил. Давал установку по телевизору.

— Не знаю, мне казалось, что читал.

— Ладно, проехали. Поясняю еще раз: агентство «Moody's» уже все давно просчитало на несколько месяцев вперед и пришло к выводу, что пятнадцатого апреля в России будет дефолт! Как тогда, в девяносто восьмом году, когда доллар вместо шести рублей стал стоить тридцать и цены на товары выросли во много раз. Только сейчас он будет стоить не сто, а все пятьсот. Теперь понимаешь?

— Про «Moody's» ты мне ничего до этого не рассказывал, первый раз про них слышу. Это вообще что?

— Агентство, — сухо процедил Григорий.

— Ну, хорошо. Совсем не убедил, но пусть будет так. И чего теперь делать-то? — поинтересовалась девушка.

— Одеваться и ехать! — сказал он с решимостью знатока игры «Что? Где? Когда?», дающего досрочный ответ.

— Вот здорово придумал! Ну-у-у... одевайся и езжай! Только маленький вопрос: а куда? Время полпервого ночи, а круглосуточных отделений банков даже в Москве пока вроде не существует. Или, может, я опять чего-то не знаю? В общем, все это странно, очень странно.

— Еще раз тебе повторяю, — раздражение Гриши усиливалось с каждым вопросом, — мы поедем не в банк. Мы поедем в банкомат, а точнее, в банкоматы.

— А я-то тебе чем смогу помочь? Думаю, что с набором ПИН-кода ты и без меня прекрасно справишься.

— Ха! Если бы все было так просто, — огрызнулся Гриша. — Эти, скорее всего, введут ограничения на снятие по одной конкретной карте.

— Так возьми и мою. Ее ПИН-код ты тоже знаешь.

— Боюсь, что исключительно нашими картами мы с тобой не обойдемся.

— Нашими? Мы? — брови Нади приняли форму домика. — Мне тоже все-таки ехать?

— Ехать, — строго ответил Григорий, — обязательно ехать. Но в другой машине.

— О, господи! Чего задумал-то? — растерянность Нади набирала обороты.

— Потом. Все потом.

Гриша уже успел облачиться в джинсы и перебирал свитера, аккуратно сложенные в стопку, от темного к светлому, подбирая наряд для этого важного и в каком-то смысле торжественного мероприятия. Мысль о том, что он умнее, хитрее и проворнее всех, возбуждала азарт, умноженный на победное чувство обладателя тайного знания, которое значительной части населения столицы станет доступно лишь утром.

По крайней мере, он сам себя уверил, что везде и все должен успеть, но нервозность неприятно колола, а сомнение гулко отзывалось: а вдруг я не один такой?

Несмотря на смятение, решение было принято, так что оставалось только надеть пригретые на батарее носки, развешанные с вечера заботливой Надей, обувь «тимберленды», накинуть короткую куртку, в которой водить ему было комфортно, и отправиться в ночь. Григорий имел нюх на приличные вещи, слыл завсегдатаем дисконт-центров и, хоть и не был записным модником, одевался со вкусом.

— Так в чем смысл-то? Может, все-таки расскажешь? — спрашивала Надежда.

Тайная ухмылка не сходила с его лица, свитер-кардиган застегивался не на тот ряд брендированных мелким шрифтом пуговиц, что, собственно, Гришу не смущало, так как мысль его была уже далеко за пределами брежневской девятиэтажки. Ему так не хотелось делиться сокровенным, даже несмотря на то, что она скоро сама обо всем до-

гадается, да и логично было бы все-таки посвятить Надю в курс дела, если уж рассчитываешь на ее безоговорочную помощь. Смирившись с неизбежностью, он выдавил из себя:

— Значит так. Я спускаюсь вниз, начинаю прогревать обе машины, а ты в ускоренном темпе надеваешь на себя первое попавшееся. А то я знаю, как ты обычно собираешься. Ты, кстати, где свою запарковала?

— Ну, там, с торца дома. И то не с первого круга. Еще перед праздниками. Других мест и не было, — возмущение пробежало по ее лицу, — опять ты мне ничего не объяснил...

— Потом, — глухо донеслось из-за дверей скрипящего лифта. — Бли-и-ин, сигареты не взял, — нервно шаря по карманам, негодовал пассажир и резким движением застегнулся до подбородка.

В открывшуюся дверь прибывшего лифта просунулась черная морда пса средних размеров и уткнулась в пах спешащего Гриши.

— Намордник носить надо! — вспылит Григорий.

— Да пошел ты! Сам носи, — флегматично отозвался хозяин лабрадора, задорно и безобидно вилявшего хвостом.

— Как вы, собачники, достали! Весь парк нам загадили, идиоты паршивые! Что, так трудно убрать, что ли? Я тебе это все в ящик почтовый положу! Понял?! Ладно, с тобой потом пообщаемся, — последняя фраза была выплюнута уже в закрытые двери, так что вряд ли от нее был какой-то практический толк, так, чисто для выпуска пара.

«Надо бы тете Гале с девятого позвонить и рассказать, какой придурочный колхозный хам к ней заехал», — размышлял Гриша, выходя из подъезда.

Мартовская ночь была безоблачна и морозна. Редкие прохожие, идущие с остановки, виднелись на другом конце вытянутого зеленым батоном дома. Улица спала.

Электронный сигнал «вольво» противно пропищал на весь двор, дверь с тихим хлопком закрылась. Гриша остывшими руками заправляет ключ в замок зажигания.

— Так. Надо бы в приложении посмотреть, куда конкретно ехать за евро. Может, тут у нас в районе есть варианты? Тогда Надю, в общем-то, можно было и не поднимать, — рассуждал он сам с собой, пока шведский двигатель бесшумно разгонял холодное масло по цилиндрам.

Мобильный телефонный аппарат, который сам по себе часто бывает гораздо умнее своего хозяина, способен оказывать неоценимую помощь и поддержку, а также служить верой и правдой, пока упавший заряд батареи не разлучит вас и все эти мессенджеры, музыкальные приложения, социальные сети (порой частично запрещенные), карты, навигаторы, новостные ленты, VPN-сервис (Гриша был готов к любым ограничениям), кино, ненавистное ЖКХ, такси, каршеринг. А сколько игр! Но сейчас важнее и нужнее банковского приложения ничего быть не может. Введя цифры числа и месяца своего рождения, он уставился в экран, сосредоточенно сжав губы.

— Вот те раз. Рано понадеялся. У нас поблизости банкоматы с одними только рублями, придется все-таки пилить в центр. Да где она там застряла-то? — рука занеслась над клаксоном, но вовремя остановилась. — А, вот она идет, копуша!

Знакомая куртка, усеянная латинскими буквами F, рябила в глазах.

«Хорошо, что не Z, — подумал томящийся в ожидании, — я бы этого не пережил».

— Можешь чуть вперед проехать, я тут не сяду, — языком жестов объясняла Надя.

«Ага. Щас тебе», — про себя пробурчал Гриша, но сурдопросьбу выполнил.

— А дверь ты так и не научилась нормально закрывать! В своей машине так же хлопаешь?

— Отстань. Давай лучше ближе к делу. Я так понимаю, до нее ты пока что не добрался.

— Нет, я банкоматы фильтровал.

— Так мне с тобой ехать или как?

— Или как. Будем на связи, пиши в «Телегу» или звони. По ситуации, короче. А вот и «мазда» твоя, ключи забирай и выходи, а я дальше поехал — все инструкции по телефону.

Дверь хлопнула, Гриша, не медля, надавил на педаль газа и скрылся за поворотом, оставив ненакрашенную Надю (что для нее было чем-то из ряда вон выходящим) наедине с ее красной японской подругой, мирно дремлющей в переулке среди металлических собратьев.

«Ближайший на Тимирязевской... Хммм... Нет, этот и на Войковской я оставляю для нее, чтоб ей в центре Москвы не заплутать, а сам начну с Белорусского вокзала», — маршрут был построен в голове Григория, работавшей в ту ночь не хуже любого навигатора.

Светофоры Дмитровского шоссе местами уже перешли в желто-мигающий режим, что, конечно, ускоряло процесс перемещения. Наимжоны, Алиджоны и Мирзабеки, вероятно, завершали многочисленные послепраздничные заказы. Через каких-нибудь шесть-семь часов здесь снова будет не протолкнуться, но пока что детище шведского автопрома радостно, уверенно и безопасно везло Гришу по направлению к Третьему транспортному кольцу.

— Алло, ну, я завелась, прогрелась и даже немного накрасилась, — доложила Надя, — куда ехать-то?

— Твои цели — Тимирязевская и Войковская. Так, подожди, я перезвоню, — и Гриша стал соображать по поводу режима работы этих банкоматов.

«Вот кидалово! Закрыто до утра. Все-таки придется засылать эту курицу на охоту в дальние края, — разочарованно пронеслось и ударилось в его черепной коробке. — Ладно, будем надеяться, что разберется. Уже не маленькая. Салоны-то красоты она ведь как-то находит».

— Короче, Тимирязевская и Войковская отменяются. Придется ехать на Автозаводскую. Навигатор включи, там бизнес-центр есть, вот туда.

— Ого! Так далеко! Но я доеду сама, дорогу знаю, не потеряюсь.

— Да ладно? Это каким таким образом?

— Ну, ты забыл, что ли? Помнишь, я тебе про массажный салон «Тайский слон» рассказывала, вот он как раз там, неподалеку. Я туда, вообще-то, почти с полгода периодически хожу.

«И я тоже», — подумал Григорий, но о своих походах на массаж в салон «Игривый Буратино» умолчал.

Савеловский вокзал уже остался позади. Автомобильная свобода ночной Москвы. Бутырский Вал был пройден на грани штрафных санкций, хотя разве можно было забивать себе голову такими пустяками? Но Гриша, несмотря на возбужденное состояние, бдительности не терял и правила худо-бедно, но соблюдал.

«Еще бы было где бесплатно воткнуться, — сокрушался шофер, про себя считая, во сколько ему обойдутся эти минуты на парковке у Белорусского вокзала, — вроде пятнадцать минут есть неоплачиваемых? Или пять? Да олень его знает, этого ханты-мансийского градоначальника. Курить хочется».

Выйдя из машины, Гриша стрельнул сигарету у скучающего таксиста, который, к его счастью, еще не успел перейти на электронные, да и вряд ли перейдет.

«Курение вызывает инфаркты и инсульты», — успел прочитать наш герой на пачке.

«Новости от нашего ЦБ вызывают инфаркты и инсульты, — сам себе сказал он, — и импотенцию, разумеется».

Синий «Честер» моментально впитался в легкие. Смятый фильтр щелчком был отправлен догорать в мусорный бак. Никотиновый удар напряжение не снял, но немного отвлек. А розовый банкомат уже виднелся в стройном ряду своих товарищей из конкурирующих фирм.

Чрезвычайное людское оживление несколько смутило Гришу. Очередь смотрелась неестественно и пугающе. Где это видано, чтоб в полвторого ночи за наличными средствами организовывалась такая внушительная толпа! Понятное дело, что вокзал, но откуда столько?

Публика с чемоданами и без хаотично курсировала в окрестностях банкоматного дворика. Отделить на глаз пассажиров от ожидающих своей очереди не представлялось возможным. За всем этим столпотворением с суровым выражением лица с росписи потолка наблюдал Георгий Победоносец, сражающий змия. Христианскому святому было явно не до всей этой мирской суеты.

— Кто последний? Крайний? Замыкающий? — поинтересовался Григорий у бородатого мужика в красном синтетическом пуховике до самых кед. В античные времена он легко бы сошел за римского легионера.

— Я, — односложно и понятно по-военно-спортивному отозвался тот.

— За вами тогда буду.

— Ну-ну, — так же однообразно ответил бородач.

Каким-то подозрительным это «ну-ну» показалось Грише. «Ну-ну» с подвохом. Открыв приложение ПИНК-банка, он с досадой обнаружил, что наличные евро тают, как грязный мартовский снег — медленно, но неумолимо.

Стояние в ожидании цветных западных бумажек не имело уже никакого смысла, так что Гриша, плюнув про себя и про себя же выругавшись, двинул в сторону автомобиля, парковку которого он в своем обменном угаре оплатить забыл.

— Алло, ну ты где там? — поинтересовалась боевая подруга, подруливавшая к Автозаводской.

— На Белорусском вокзале я.

— Все-таки решил от меня свинтить? — то ли в шутку, то ли всерьез спросила Надя.

— Банкомат тут есть, а толку от него нет.

— В смысле? Не поняла?

— Пока мы там с тобой копались, народ уже все доступные евро снял. Оказывает-ся, не я один такой, кто новости по ночам читает.

— Обалдеть! И чего теперь делать?

— Сам не знаю. Поеду в другое место, может, там поспокойней будет.

Неоплаченная стоянка так и осталось неоплаченной, а Гриша уже спешил к следующей точке. Вообще, вся эта гонка напоминала компьютерную игру, в которой необходимо было мотаться по городу, выполняя различные задания, только сейчас все было взаправду. Пожалуй, отнесись он к своему приключению как к многозадачному квесту с двумя героями, дело бы пошло куда веселей, а пока что оно ему было в тягость. Ведь выполнять миссии в игре, сидя с джойстиком в руках, нам почему-то нравится, а делать то же самое в реальной жизни — оставьте в покое. Не говоря уж про посещение органов государственной власти и многофункциональных центров. Хотя, надо сказать, уже во взрослом возрасте он компьютерные игры не особенно любил.

— Так, ладно. На вокзале не срослось. Поеду на Мантулинскую. Более пяти тысяч в наличии. Должен успеть, — успокаивал себя Григорий.

Какой-то очкарик на «шkode» особо не спешил по Грузинскому Валу, заняв однуединственную полосу для движения.

— Давай резче, козлина! — со злобой гудел Гриша. — Тормоз, лошара!

Миновав «ботаника», гонщик прорвался на Пресненский Вал, где было посвободней. Опять раздался телефонный звонок:

- Ну я в бизнес-центре, тут нет никого. Сколько денег снимать?
- Все снимай! Все, что есть на твоём долларовом счету.
- У меня только полторы тысячи.
- Снимай полторы, а дальше будем думать. Отбой!

Светофор на Пресне мучительно долго краснел, отсчитывая секунды до старта, но стыдно перед Григорием ему абсолютно не было.

Огни «Сити» деловито сверкали. Размышления о розовом банкомате играли в голове Гриши вместо радио, второпях забытого и невключенного. Часовая стрелка указывала на двойку. Многоэтажка Центра международной торговли в эту минуту казалась ему роднее дома.

Пропустив пару забитых автомобилями рядов, водитель чуть не свернул под кирпич, но, вовремя опомнившись, увидел освобождающееся парковочное место (ну хоть в чем-то повезло), технично заехав в установленную, хоть и потертую за зиму разметку, нехотя оплатил час и в темпе охотящегося гепарда устремился к зданию центра.

Еще издали он приметил подозрительное людское оживление у вращающихся стеклянных дверей.

- Ну ё-моё, тут тоже, что ли, такая подстава, как и на вокзале? — негодовал Григорий.

Проскочив мимо охранника, бдящего у металлоискателя, он сперва сунулся не в ту дверь, но в конечном счете, миновав незамысловатый лабиринт коридоров, пристроился за тем самым очкариком, которому он так злобно сигналил на Грузинском Валу.

«Вот тебе и тише едешь — дальше будешь, — припомнил народную мудрость Гриша, — однако интересно, как этот лох так быстро смог здесь очутиться? Я ж его еще на Пресненском сделал. Ерунда какая-то!»

— Извините, давно стоите-то? — поддельно вежливо поинтересовался Григорий, и что-то похожее на улыбку появилось на его лице.

Очкарик в дешевом пальто с катышками загадочно хранил молчание, глядя в сторону розового банкомата. Кивая в такт своим мысленным подсчетам, он на глаз определял количество человек, томящихся в очереди, а по губам читалось: «Один, два, три, четыре...»

«Обиделся, наверное, — предположил Григорий, — хотя с такими очками вряд ли он мог меня разглядеть. Чучело!»

Обойдя бывшего дорожного конкурента со стороны, он более настойчиво спросил:

- Скажите, как очередь-то? Двигается? Нет? Долго стоять?

— Я сам только что подошел, — раздался глухой бас, так что Гриша даже моргнул от неожиданности и слегка отстранился.

«Вот урод, а! С виду глиста глистой, а голос как у амбала вышибалы Вити из ночного клуба. Чудо природы! Давненько я, кстати, в клубе не был, — и мечтательно подумал: — Надо бы с Жанкой туда, как в старые-добрые...»

— Все зависит от того, кто сколько снимает, — вдруг отозвался молодой парень в коротких штанишках, стоящий на два человека впереди, — я вот уже минут десять здесь, пока что только двое прошли.

Народ в очереди, согнув спины, залипал в смартфонах. По движениям больших пальцев было понятно, что банковские приложения обновляются с невероятной частотой.

«У этого-то молокососа откуда валюта? — недоумевал Гриша. — Мамка, что ли, перевела? Айфон вот, я смотрю, тринадцатый — шикает. В мое студенчество такого и близко не было. Лазили все с кнопочными, и ничего».

— Ну, в принципе, логично, — ответил он с интонацией старшего и умудренного жизненными опытом человека, вступив в несодержательный диалог с юнцом.

— Доллары закончились! — громко, практически в один голос, как приговор, огласила пара (вероятно, супружеская), снимавшая в этот момент наличные средства.

По организованной, до настоящего момента молчаливой толпе прокатился гул разочарования. Были слышны отчетливые ругательства. Как по команде, часть скрюченных (среди которых числился и «ботаник») покинула занятые позиции и, не прекращая нецензурно выражаться, вяло побрела в сторону выхода. Другая же часть, чуть поменьше, продолжала вести осаду.

«Так тебе и надо, пугало! — ехидничал евроман. — Проваливай давай в свою лабораторию!»

Минуты казались часами. Григорий в ожидании переминался с ноги на ногу. Больше не в силах обновлять приложение и экономя заряд батареи, он сунул мобильник в задний карман джинсов.

«И туалета-то нет, — оглядываясь по сторонам в поисках указателя WC, скулил про себя Гриша, — ну сколько ждать-то можно?»

В кармане зажужжало — телефонировала Надя. С докладом:

— Ты там совсем про меня забыл? Как дела? Я все сделала, как ты сказал. Полторы тысячи на руках. Сажу в машине. Куда дальше ехать?

«Действительно. А куда дальше ехать? Если там свободно, то пускай и снимает тогда дальше. И не надо ей никуда кататься», — план вырисовывался сам собой.

— Запоминай. Заходишь в приложение и со своего рублевого счета перекидываешь средства на долларовый, — инструктировал Гриша свою удачливую подругу, — со всеми вопросами и запросами соглашаешься. Как поступят, сразу же иди обратно к банкомату и снимай по максимуму, сколько даст. Сейчас сможешь при мне это сделать?

— Если Интернет доступен, то попробую.

— Давай, я жду.

— Та-а-ак. Вроде работает. Захожу. Ага. Два, ноль, один, девять.

— Мне это все озвучивать необязательно, — раздражался он.

— Ну это ж мой ПИН-код. Кстати, год нашего с тобой знакомства. У меня везде такой стоит, одинаковый, — и благодарным голосом добавила: — Как ты и учил.

«Вот дура! — мысленно плюнул Гриша. — Конечно, если будет разный стоять, то все перепутает. Проходили. Знаем».

Преодолев злобу, он ответил:

— Молодец! Все правильно, так и надо, — ругаться с девушкой сейчас было бы контрпродуктивно, — что там дальше?

— У меня на рублевом сто пятьдесят тысяч с копейками. Сейчас гляну, почем банк предлагает купить баксы. Ого! Гришенька! Ты видел цену? Сто тридцать рублей за один доллар! Обалдеть! Что делать?

— Лучше бы не видел, — едва слышно произнес тот, — что делать?! Придется брать.

— Пряма на все?

— Не мелочись, Наденька, — процитировал он из всем известной новогодней комедии с интонацией Ипполита. Правда, шутки этой Надежда не поняла. — Тысяч десять можешь оставить. На мелкие расходы.

— Ок, как скажешь.

Тем временем настал Гришин черед вводить ПИН в розовом банкомате.

— Все. Я отключаюсь, буду евро снимать. Дальше сама. На связи.

— Пока-пока! — задорно отозвалось в трубке.

Прислонив яркую глянцевую карту к электронному датчику, он ударил четыре раза по клавишам, как по кнопкам игрового автомата, и с азартом заядлого посетителя казино принялся шарить по меню трясущимися пальцами. На его евросчету, откры-

том уже достаточно давно, лежало около четырех тысяч, купленных еще тогда, до всей канители, по девяносто рублей за штуку. В эту же сумасшедшую ночь банк предлагал не виданную ранее цену — сто сорок рублей!

«Совсем озверели! — негодовал Григорий. — Продажа по сто сорок, а покупка по сто пять! Это не просто грабеж! Это продуманный грабеж! Грабеж спланированный! Хотя какая, к черту, разница, — успокаивал он сам себя, — через месяц эти сто сорок превратятся в пятьсот! Надо менять. Все менять!»

И он принялся пересчитывать в уме (надо отметить, считать он умел очень хорошо), какое количество западной твердой, как ему казалось, валюты получится взять на отложенные два миллиона российских деревянных. Итого получалось более четырнадцати тысяч. Сам Гриша понимал, что из-за ограничений, введенных Центральным банком, заполучить наличными ему удастся всего-то лишь чуть более девяти, а остальное придется хранить на счету, но даже и эта перспектива рисовалась ему радужной и манящей.

На экране банкомата светилось, как призовое, итоговое число — восемнадцать тысяч двести восемьдесят пять. Дрожащей рукой игрок ввел желаемую сумму — девять тысяч. Аппарат, взяв несколько секунд на размышление, моргнул и, как бы извиняясь, выдавил: «Недостаточно наличных средств, введите другую сумму».

«Вот тварь! Так и знал, что мне уже ничего не достанется! — лицо Григория пошло багровыми пятнами. — И какую другую сумму прикажешь мне ввести?!»

Шаг на понижение он выбрал в одну тысячу. На восемь бездушная машина, больше не церемонясь, выдала ту же фразу, что и полминуты ранее. На семь — аналогично. Тогда Григорий, не без сожаления, пошел на уступки и набил четыре. Банкомат ненадолго призадумался, но через мгновение клиент, услышав характерное приятное шуршание, испытал долгожданную радость облегчения: в лотке, переливаясь фиолетовым и желтым, лежали заветные бумажки.

Молниеносно выхватив пачку из пасти, как будто опасаясь, что розовое механическое чудовище проглотит ее обратно, он, не пересчитывая, сунул деньги во внутренний карман куртки и вновь посмотрел на монитор. «Хотите продолжить операции?» — как бы издеваясь, вопрошала металлическая жадина.

«Само собой хочу, да только есть ли смысл? — констатировал Гриша, слегка опомнившись. — Больше-то ты мне все равно не дашь».

Понимая, что лимит не исчерпан даже наполовину, Григорий на ходу, ссутулившись над голубым экраном мобильного гаджета, в который раз за ночь загружал приложение ПИНК-банка.

«Ну и куда теперь? — терзался он в сомнениях. — Поеду в какую-нибудь круглосточную „Азбуку вкуса“ в центре, так там уже местные богатеи все сняли, в бизнес-центрах, скорее всего, тоже ловить нечего. Хорошо бы по спальным районам прокатиться, но туда валюту не отгружают...»

Как витязь на распутье, со смартфоном вместо копья наперевес, наш герой мучился актуальной проблемой выбора: вроде бы он есть, а вроде и нет. Шагая неуверенно, словно пьяный, он даже и не заметил, как оказался в своей машине.

Заряд батареи приближался к опасному минимуму. Спасительный белый шнур, перемотанный изолентой на двух концах, функционировал с перебоями. Остаться без связи означало провалить всю операцию. Необходимо было рисковать.

— Ладно. Попробую на Таганке. А там уж как повезет, — наконец-таки решился Гриша.

Серебристая «вольво» зашуршала шипами по асфальту. Весь маршрут, по его расчетам, должен был занять минут двадцать. Свернув на набережную Москвы-реки, он

краем глаза полюбовался на одну из семи ярко подсвеченных мощными прожекторами сталинских высоток — гостиницу «Украина». Название ее громко произносить в общественных местах нынче не рекомендовалось.

«Красиво, конечно, но сколько электричества жгут, да еще и за мои налоги», — одновременно похвалив и поругав столичных управителей, вырубив на Новый Арбат. Миновав короткий его отрезок, ночной гонщик встроился в предпоследний левый ряд на Садовом и, помня о двадцатикилометровом люфте, держал стрелку спидометра в районе восьмидесяти. Тем временем часовая стрелка уже ложилась на тройку.

Немного придя в себя, Гриша только сейчас осознал, что все это время ездит в абсолютной тишине, и рука потянулась к кнопке запуска радио, всегда настроенного на одну и ту же частоту.

«Эхо Москвы» в ответ лишь зашипело. Стукнув кулаком по рулю, он коротко выругался, вспомнив, что его радиоволна-фаворитка теперь находится в опале.

«Вот гады, — возмущение рвалось наружу, — взяли да и просто ни за что, — эту фразу Григорий протянул медленно и с выражением, — отрубили волну, которая столько лет героически оборонялась от нападков режима, донося до слушателей лишь правду. Пускай только попробуют мне заикнуться о свободе слова!» — и, огорченный, погрозил кулаком в сторону высотки МИДа, мимо которой он как раз проезжал.

Фонари дружно, во всю силу, заливали дорогу искусственным светом. Слева Григорий оставил бегущую по фасаду здания новостную строку, на которую даже и не подумал взглянуть, демонстративно отвернув голову в противоположную сторону. Пересекая Крымский мост (какое ненавистное наименование!), он бросил взгляд на спящий Парк Горького, в который когда-то в юности любил приглашать девушек на свидания.

«Да-а-а... было дело», — сладко причмокнув, он ненадолго погрузился в приятные воспоминания.

Порой его накрывали сентиментальные чувства, хоть и нечасто, но случалось. Тогда он доставал с запылившейся полки CD-диски с оцифрованными записями последнего школьного звонка или выпускного и, включив видео, с упоением комментировал (часто самому себе) уже не один десяток раз просмотренные кадры, заученные практически наизусть, сопровождая действие звонками бывшим одноклассникам, которые не особо-то и разделяли подобные восторги и, ссылаясь на занятость по работе или какие-нибудь домашние хлопоты, старались поскорей кончить разговор.

В зеркалах заднего вида промелькнул Павелецкий вокзал, а следом и Дом музыки. Машина двигалась по мосту, во второй раз преодолевая реку, а по левую руку вдалеке виднелась третья за ночь высотка, которая навеяла Грише мысль об одном из обожаемых российских фильмов — втором «Брате». Кино он посещал очень редко, но если во что-то и влюблялся, то навсегда. Хотя, как ни странно, его авантюрное приключение абсолютно иначе отвечало, пожалуй, на один из главных вопросов киноленты: в чем же все-таки сила?

Григорий очутился здесь не впервой, на этой умопомрачительной развязке Таганки, которая даже опытного водителя способна поставить в неловкое положение и запутать, так что заранее юркнул на Народную улицу, развернулся на Больших Каменщиках и, хорошо зная местную обстановку, по-царски запарковался на отдельной стоянке практически у самого входа в заветный супермаркет.

Очередь, начинавшаяся за стеклянными дверьми, его вовсе не напугала и теперь казалась чем-то привычным, обыденным. Гриша даже в каком-то смысле смирился с тем, что ему предстоит отморозить уши, ведь шапку оставил на крючке в прихожей, не прогнозируя исхода, при котором придется стоять на девятиградусном морозе, пританцовывая не от радости. При этом было жизненно необходимо беречь заряд те-

лефона, болезненно реагировавшего на низкие российские температуры, и, сунув его к себе в рукав, как бандит, скрывающий ножик, он принялся осматривать скучающую публику.

«Судя по шмоткам, денег у них не должно быть много... хотя, — он шнырял глазами, считывая информацию, как Терминатор, — „ботаник“ на богатея тоже не сильно смахивал. Короче, бред какой-то».

Ожидание на холоде усилило желание посетить комнату для мальчиков троекратно. К счастью, практически во всех «Азбуках» для удобства элитных посетителей в распоряжении имеется туалет, в который замерзший стремительно направился, предупредив стоящего впереди мужчину, что он ненадолго и скоро вернется.

— Куда без очереди-то ломимся? — возмутился стоящий у самого входа пуховик средних лет.

— Да мне не сюда, мне в туалет, то есть в магазин, — виновато отвечал Гриша, потерявший способность к колким высказываниям.

Справив нужду, Григорий, соблюдая обряд гигиенических процедур, чуть не выронил в раковину мобильник, подло выскользнувший из рукава, но вовремя пойманный.

Озираясь с некоторой досадой на полки, заставленные всякого рода заморскими деликатесами, он хмыкнул (на лице его читалось: «Последние недели две-три этим питаемся») и торопливо вернулся на свою позицию замыкающего, поскольку за время его вынужденного отсутствия новых желающих попытать удачу в получении валюты не прибавилось.

Облегченному и повеселевшему, ему оставалось выстоять всего-то пару человек, как в рукаве завибрировало.

— Алло, Гришенька, ну я дома, даже машину удалось на прежнее место поставить. Лягу еще немножко поспать, на пару-тройку часиков. Ты там как?

— Дома?! — переходя на крик, он продолжал: — Мы разве так договаривались?

— Ты сказал, чтобы дальше я сама, и пропал, хотя я пару раз тебе набирала, ты не отвечал... ну а потом домой поехала, — и миролюбиво добавила: — Не злись, дорогой, все равно у меня свободных денег на карте больше не оставалось, кроме тех, что на мелкие расходы.

«Ладно, и на том спасибо», — остывал вспыльчивый Гриша. — Пока что не очень. Стою у очередного банкомата, народу везде тьма. Телефон еще садится, так что с беседой закругляемся. Напишу позже.

— Удачи, любимый! Я спать!

С момента прибытия на Таганку прошло уже с полчаса. Созерцание столичной архитектуры и топтание на одном месте без дела поспособствовали движению философской мысли, пусть и весьма причудливой. Стоя здесь, перед дверьми роскошного супермаркета, который обходят стороной местные пенсионерки, волоча за собой увесистые тележки на скрипучих колесиках, он думал о том, как примерно в это же самое время в соседней стране люди выстраиваются в очереди за элементарными, а не буржуйскими продуктами, тамошние автомобилисты торчат в километровых пробках на заправках в надежде заполучить свои десять литров бензина, а многие из них так и уезжают ни с чем. Все это казалось ему какой-то дикостью, варварством и средневековым, давно забытым, но вернувшимся сегодня. Почему-то подобные мысли не навещали его сознание весной две тысячи четырнадцатого.

Григорий не пытался отследить количество оставшихся денег в аппарате через приложение ПИНК-банка, потому что успел понять, что обновляется оно не сразу и проще наблюдать за наличием необходимой валюты, так сказать, не отходя от кассы. В диалоги с собратьями по охоте на кэш он больше не вступал, к смартфону не обращался и лишь изредка поглядывал на часы: стрелка приближалась к четверке.

Отстояв вахту, Гриша механически поднес карту и совершил ряд необходимых действий, чтобы добраться до меню выдачи евро. На этот раз он решил начать с мелочи, введя смехотворную, по его представлению, сумму номиналом в пятьсот единиц. Автомат, не думая долго, выдал запрашиваемый куш, на что Григорий зачем-то одобрительно кивнул ему, как живому, и запустил операцию по новой.

Две желтые и одна зеленая купюра приятно ласкали глаз. Он вновь вошел в раж и запросил у банкомата тысячу, но получил вежливый отказ.

— Опять, что ли, наличные закончились? — не предполагая нового подвоха, возмущался Гриша. — И как это понять-то? В прошлый раз писалось о недостаточности денежных средств. А теперь что? — повторив процедуру и не получив суммы, он отошел в сторону, пропуская следующего посетителя до выяснения обстоятельств.

— У меня точно такая же история была на другом адресе: больше одной тысячи не дает снимать, — кстати пояснил новый клиент в дорогой стеганой куртке, подошедший к аппарату, — по ходу дела сам банк ввел ограничения на снятие, а их онлайн-поддержка ничего вразумительного написать не может: дают ссылку на новость ЦБ, но в этой новости ничего про ограничения в тысячу нет! Короче говоря, сами чего-то там мутят. Может быть, просто хотят, чтобы всем хоть и по чуть-чуть, но наличной валюты досталось. Заботливые, однако.

«Знатная дичь получается! То есть буквально недавно народ снимал без ограничений, а теперь нарисовался какой-то лимит. А как Наде выдали всю запрашиваемую сумму? Я вообще ничего не понимаю! Мура полнейшая!»

Подобная рачительность финансовой организации его не приободрила. Нахмурившись, он даже начал звонить по номеру круглосуточной горячей линии, но сбросил вызов, так и не дождавшись ответа оператора, поверив на слово осведомленному гражданину в джинсах с красным ярлыком от бренда, временно приостановившего работу в России.

«И чего теперь делать? Как снимать-то купленные евро? Время — четыре часа утра. Кому звонить? Кого просить? — не прекращал задавать себе вопросы Гриша, пожалуй, заранее зная на них ответ, потому что звонить было решительно некому. — Ну если только Леха не спит».

Леха имел профессию рабочую, крутил руль «газели», добывая трудовой хлеб, и на погрузку товара прибывал рано утром. Рассчитывать на то, что у него в ПИНК-банке мог быть открыт счет в иностранной валюте, было верхом глупости, но попробовать стоило. По крайней мере, исключена вероятность попасть под обстрел из невнятных сонных ругательств, он, скорее всего, уже на ногах, а может быть, даже и в кресле своего малотоннажного грузового автомобиля.

— Да, Грих, здорово, случилось чего? — достаточно бодро заговорил Леха на фоне простецкой, мужицкой песни, доносящейся из хриплых колонок.

— Здорово, Леха! Извини, что так рано, знаю, что не спишь, — слегка заискивающим тоном начал подкапывать Гриша под старого товарища. — Тут такое дело, в общем, долго объяснять. Короче. Нет ли у тебя случайно валютного счета в ПИНК-банке? Мне прям очень надо!

— Однако удивил! Я уж испугался, что что-то серьезное случилось, — добродушно выдохнул Алексей.

«Куда еще серьезней-то?» — подумал Григорий. — Да нет, все в порядке, просто возникла острая необходимость снять наличные, а банкомат больше одной тысячи евро по одной конкретной карте на руки не выдает. Сможешь помочь?

— Ну, у нас с женой полторы тысячи на счету, мы как раз с ней в Турцию летом планировали, она сказала мне, чтобы перевел деньги, пока курс в космос не улетел.

Дальновидная она у меня, и не поспоришь. Не знаю вот только, полетим ли мы с ней в эту Турцию, сам видишь, что сейчас в мире творится.

«Да уж, за новостями он явно не следит так, как его жена», — констатировал Гриша. — В общем, если тебе не сложно, я бы прям сейчас пересекся где-нибудь по твоему маршруту, и мы бы вместе евро сняли, а я бы тебе сразу же их обратно на карту перевел. Идет?

— Ну-у-у... в принципе, можем попробовать, — немного смущаясь, соглашался протак, — хотя мне б с женой сперва посоветоваться.

— Да чего тут советовать-то? На вашем счету будет лежать абсолютно такая же сумма, копейка в копейку, то есть цент в цент, — не раскрывая всех деталей, дабы не смущать доверчивого друга, наседали Григорий.

— А ты где хочешь встретиться-то? Я сам пока что у нас в районе, на Ижорской, загружусь и поеду в сторону Марьиной Рощи. Тебе как?

— Сейчас, Лех, повиси минуту, я в приложение гляну, какой там расклад, — и то ли по счастливой случайности, то ли по удачному совпадению, но в названном районе на карте розовой точкой светилась отметка, подтверждающая наличие круглосуточного банкомата, в котором при всем этом числилась желаемая валюта. Не скрывая радостного оживления, Гриша с подогретым энтузиазмом вернулся к разговору. — Да, отлично, давай там и встретимся на месте, на Олимпийском проспекте.

— Олимпийский проспект — он длинный, — слегка бравируя знанием столичных улиц, уточнял тот, — дом-то какой?

— Дом с таким же номером, как и тебе лет. У «Азбуки вкуса». Буду ждать тебя там.

— Понятно, дом тридцать. Ну, я думаю, что только после пяти часов подъеду. Будешь ждать?

— Естественно, буду! До встречи! — с восторгом отозвался Григорий.

Закончив топтаться в предбаннике «Азбуки», он вышел на пустую улицу и с удовольствием вдохнул морозный утренний воздух, наслаждаясь тихим моментом бездействия. Сделав пару-тройку шагов, Гриша остановился, бросил взгляд на безумную развязку Таганской площади, решительно выдохнул и направился к автомобилю.

Совершив традиционный обряд с запуском двигателя, водитель переждал несколько минут (непозволительная до этого роскошь), давая прогреться системе, потому что торопиться было некуда и незачем. Не спеша, плавно вращая рулевое колесо, Григорий оказался на Садовом. Слева проплыл, отдавая кирпично-персиковым, знаменитый московский театр. Панорама подсвеченных домов рисовалась по обе стороны кольца. Оставив позади Язу, он все-таки решил прервать радиомолчание и начал тыкать в клавиши в поисках подходящей под настроение мелодии, хотя поиск этого большого смысла не имел ввиду крайней переменчивости состояния. Пройдя два круга, на третьем он остановил свой выбор на какой-то залихватской попсе девяностых, к которой имел тайную слабость. Курский вокзал, спрятавшийся за «Атриумом», отдавал рельсами и бездомными, запах которых Гриша точно знал с зеленого детства, когда родители за неимением личного транспортного средства таскали его на дачу на пригородных электричках. Что его раздражало больше: тошнотворные запахи на платформе или грядки с сорняками, которые обязательно нужно было изничтожать, в то время когда все его сверстники сидели по компьютерным клубам, неизвестно. В любом случае воспоминания эти приятными назвать было нельзя. От этих мыслей у него зачесалось лицо, а на глаза стала опускаться дрема. Адреналиновый угар встал на паузу.

— Это ж сколько сейчас братского народу по всей Европе по вокзалам болтается, — посетовал Григорий, — очуметь! Это хорошо еще, если удастся выбраться мужику в женском платье, а если развернут обратно?! Ну его! — и он, нахмурившись, резко мотнул головой.

Очередная сталинка маячила на горизонте, уже четвертая за ночь.

— У меня, по ходу дела, сегодня экскурсия по теме советской архитектуры, — с сарказмом произнес он.

Красные ворота, а вместе с ними и дом-утюг (мини-вариант того, что в Нью-Йорке) остались за спиной, Минсельхоз, проспект Академика Сахарова, на котором в десятых Гриша мирно топтался с единомышленниками под лозунгом «За честные выборы!». Где теперь все это?

Проехав пышное здание Склифа, он повернул на улицу Щепкина, а на Дурова золотым куполом и голубовато-зелеными минаретами с ним поздоровалась Московская соборная мечеть.

Печально нависшие над пустотой строительные краны сонно клевали, сообщая, что от некогда популярного «Олимпийского» пока что сохранилось одно только название. Впереди лежала обыкновенная, без изысков, финишная прямая перед заключительной «Азбукой».

Прибыв заранее в условленную точку на самую границу центра, в окрестности Третьего кольца, Гриша без труда нашел стояночное место, уперевшись в стену шестнадцатизэтажки. Заглушив мотор, он сладко откинулся в скандинавском кресле и принялся размышлять о судьбах страны и мира.

— Ну, вот запретили джинсы к нам возить, чего дальше? Будто штанов у меня других нет, вон шкаф от них ломится, класть некуда. Еще и Надькино барахло тоннами складировается. Другое дело, какие это джинсы: я к ним привык, размер свой наизусть знаю, могу покупать, не примеряя. Хотя других заморских брендов тоже полно, выбирай — не хочу. Ладно, проживем как-нибудь.

Немного поерзав, Григорий смачно зевнул во весь рот и начал вращать головой влево-вправо, разминая уставшие позвонки. В процессе тренировки он заметил знакомый логотип на борту медленно крадущейся «газели». Это был Леха. Выскочив из машины, Гриша замахал обеими руками, подавая сигнал, как спасшийся после кораблекрушения, и сразу же был обнаружен наблюдательным газелистом. По-соседски встав рядом с автомобилем старого товарища, Алексей с доброй улыбкой вынес свои сто двадцать килограммов массы из кабины и бодро зашагал в сторону друга, раскинув рабочие руки в попытке радостно его приобнять. Грише пришлось поучаствовать в этом акте товарищеской солидарности.

— Здорово, брат! Сколько лет не виделись?! — риторически начал живую беседу Алексей.

— Да уж года два точно, до ковида еще встречались, по-моему, — Григорий не хотел тратить время на пустую болтовню. — Ну что, приступим?

— Как дела-то вообще? — не унимался товарищ.

— Да, в общем, нормально все. Работа, дом. Иногда командировки. Но сейчас их совсем не стало, сам понимаешь.

— Да-а-а... понимаю, брат, — Леше хотелось называть его братом на кавказский манер. — А помнишь, как мы с тобой на рыбалку на дикую речку гоняли? Очень весело было! — и Алексей закатился хриплым грудным смехом, прерываемым кашлем почетного курильщика.

— Да, такое не забудешь, было забавно, — достаточно сдержанно ответил Гриша и торопливо спросил: — Ну что, идем?

— Ну пошли, — задорный смех, убывая, оставлял след причудливой улыбки на его лице.

У дверей «Азбуки вкуса» не было ни души. Банкомат располагался у самого входа в супермаркет. Гриша с болью наблюдал за медлительными действиями своего товарища.

— Сейчас, где там она у меня затерялась, — Леха рылся во внутреннем кармане за-саленной куртки в поисках пластика, — а, вот она! — Розовая карточка блеснула в его жирных пальцах.

Алексей медленно поднес ее к электронному считывателю и методично ввел ПИН-код. Болезненная гримаса исказила лицо Григория, ему хотелось выхватить кредитку из этих рук и начать действовать самому, и он не без труда сдерживался, чтобы этого не сделать.

— Давай сам тыкай дальше, а я погляжу, — будто прочитав его мысли, предложил Леша.

Григорий, облегченно выдохнув, ловко пробежал по всем строчкам предлагаемого меню, и аппарат, мелодично погудев, выдал запрашиваемую сумму — одну тысячу евро.

— Спасибо тебе, Лех, большое! Выручил, — на этот раз вполне искренне поделился впечатлениями обогатившийся. — Кроме тебя, и звонить-то в такое время больше некому. Пошли ко мне в машину сядем — деньги тебе переведу.

— Давай, — доброжелательно отозвался тот.

Старые товарищи, проделав короткий путь от супермаркета, уселись в шведский автомобиль. Григорий в сто сорок восьмой раз за ночь загрузил приложение ПИНК-банка.

— Проверь, поступили?

— Ну, ты юморист: тысяча и один евро. К чему такая щедрость?

— Евро на пивас, возьмешь себе вечерком бутылочку немецкого монаха.

— Это можно. Но в пятницу, — ответил Алексей.

«А возьмет в итоге три бутылки нашего, знаю я его», — ядовито подумал Гриша.

В салоне повисла некомфортная тишина. Прервав скудное молчание, Алексей бахнул:

— Ладно, Грих, рад был тебя видеть! Поеду заказ отвозить. Ох уж эти ортопедические матрацы! Звони почаще, может, встретимся при других обстоятельствах. Пообщаемся хоть по-человечески.

— Еще раз спасибо, Лех, за помощь!

Дверь с шумом закрылась.

«Им надо с Надькой познакомиться, они найдут друг друга», — подумал Григорий.

Безоблачное небо отдавало черноту. Светлеющий восточный край сообщал о начале нового дня. Пешеходов становилось больше. Невидимый прапрапрадед Чубайса грозился в скором времени отключить городское освещение.

— Может, еще кому набрать? Вдруг повезет, — успех встречи с Лехой обнадеживал.

Пошарив по телефонной книге, Гриша долистал практически до самого конца и остановил свой выбор на Софронове. Он так и был записан, по одной фамилии — Софронов. Хотя и в школе, и после нее все употребляли производную — Софрон. Многие даже не помнили, а некоторые и вовсе не знали его настоящего имени.

Звонок был моментально сброшен.

— Наверное, спящий режим у него включен. Не прозвониться. Короче, ладно. Поехал я в сторону дома, ловить больше нечего.

Григорий оказался на Трешке, сделал разворот под Новорижской эстакадой и, не торопясь, направился к Дмитровскому шоссе, пытаясь осознать произошедшее за эти несколько беспокойных часов.

— На руках у меня пять с половиной тысяч. Еще четыре можно было бы и снять. Вопрос только: где? При таком-то безумном ажиотаже. Как бы там ни было, надеюсь, что обойдется без национализации и мои электронные евро не пропадут — не зря же я их по сто сорок рублей накопил.

Город просыпался. Москва скоро снова задохнется в выхлопных газах. Гриша ехал в сторону области против основного движения. Чувство выполненного долга переполняло его. Непосильная задача была решена.

Парковочных мест в тесном дворе оказалось предостаточно: народ убывал по делам. Григорий, войдя в подъезд, вновь столкнулся с веселым лабрадором, которого на этот раз выводила на прогулку женщина. Поднявшись на ленивом лифте, он открыл дверь ключом, ожидая, что Наде хватит сообразительности не закрываться на щеколду. Не включая свет в прихожей, он заботливо прикрыл дверь в спальню, в которой мило сопела его боевая подруга.

Ботинки были сняты, куртка повешена, руки вымыты. Гриша насыпал ароматный кофе в металлический рожок. Смартфон, давно мечтавший о зарядке, тихо лежал в углу кухни, присосавшись к белому проводу. Раздался звонок.

— Чего хотел мне сказать в такую рань? — зазвенел голос в трубке.

— Софрон, здорово! Да хотел с одной просьбой небольшой к тебе обратиться, но думаю, что сейчас уже неактуально.

— Интересно, какая такая просьба может быть в шесть утра? Машина, что ли, не заводится?

— Да нет, с машиной все ровно. Это же шведский автопром. Хотел денег снять европейских с твоей карты, — без прежнего энтузиазма озвучивал свои желания Гриша.

— Отлично придумано! Только у меня их там нет.

— Ну, я бы перевел. Дело техники, — как бы подмигивал в телефонную трубку Григорий.

— Благородно, однако. Делай так почаще. А еще лучше — всегда. Так чего хотел-то?

— А ты новости не читаешь, что ли?

— Ты про ограничения от ЦБ до сентября? Естественно, читал. Но мне это все параллельно.

— Смотри сам, конечно, но я свои рублевые накопления перевел в евро. Так надежней.

— Если бы они у меня были, эти накопления, — с легким оттенком грусти произнес Софрон. — А зачем? Ты дефолта, что ли, опасаться? Не будет его у нас. Сейчас время другое и страна другая, уже далеко не лихие девяностые.

— Не знаю, я на «Эхе» слышал, пока их еще не отрубили, и на «Медузе»¹ и в «Новой газете» читал, что он неизбежен, — уверенно парировал Григорий.

— А я читал и слышал абсолютно противоположные мнения. Все это бред полнейший и чушь несусветная. Разводят панику на ровном месте, а по сути, никакой фактуры, одни только слухи и домыслы. Если бы у бабушки был бы, то она была бы дедушкой. Ну, ты в курсе.

— Мы с тобой все-таки не экономисты, а я этим источникам доверяю, — придавая мнимую уверенность сказанному, подытожил дискуссию Гриша.

— В общем, посмотрим. Время покажет. Сейчас об этом рассуждать бессмысленно. Но что-то мне подсказывает, что ты все-таки поторопился, — вывел свой итог Софрон. Григорий коротко пересказал, опустив детали, историю минувшей ночи.

— Ну ты, конечно, авантюрист адреналиновый, — резюмировал Софрон.

— Ладно, пока. Буду на работу собираться, а то уже скоро выходить.

— Ну давай, успехов!

В спальне сработал и звенел, не переставая, будильник на Надином телефоне. Гриша, бережно выключив сигнал, прильнул губами к щеке девушки.

— Наденька, вставай. Утро пришло, — ласково прошептал он.

¹ Генеральная прокуратура РФ признала организацию нежелательной на территории РФ.

- Ой, так неохота! — сквозь сон отозвалась подруга. — Голова болит.
  - Потихоньку поднимайся, я кофейку сейчас сооружу. Выпьешь — и все пройдет.
- Ты у меня умничка, — не отрываясь, он продолжал покрывать ее поцелуями.
- Ну как? Все получилось? — поинтересовалась Надежда.
  - Получилось, — спокойно проговорил Гриша, — но не все. Потом расскажу.

* * *

Пережившие дождливый, зябкий май москвичи наконец-то наслаждались летом, как календарным, так и погодным. Модные горожанки поскидывали с себя утепленную одежду, предоставив на всеобщее обозрение пока еще бледные ноги. Рестораны быстрого питания и магазины косметики готовились возобновить свою работу под новыми брендами. Город жил прежней жизнью. Ну, почти.

А вот жизнь Григория с той мартовской ночи сильно изменилась. Нервные расстройства обступали его со всех сторон. Степень истеричности была рекорды. Каждый день по несколько раз он дрожащими от злобы руками проверял биржевые курсы заморской валюты, матерясь и ругая то ли себя, то ли банки, то ли страну, в которой родился и вырос, а может быть, и самого главного.

Достигнув своего пика в двадцатых числах марта, в конце месяца курс иностранной валюты пошел на стремительное снижение: в начале апреля за один евро уже давали меньше сотни, а к концу мая случилось так, что и всего-то шестьдесят российских рублей.

Обещанный когда-то агентством «Moody's» дефолт, запланированный аккуратно на середину апреля, так и не случился. Мечты о евро по пятьсот улетучивались.

Григорий сам себя успокаивал мыслями о том, что весь этот курс абсолютно необъективен и нисколько не отражает реального положения дел, что вот-вот произойдет нечто грандиозное и прогноз, в который он так свято поверил, сбудется. Но ничего такого сверхъестественного не происходило.

Центральный банк постепенно снимал введенные ранее ограничения, ключевая ставка понижалась, но для Гриши это ровным счетом ничего не меняло.

— Получается, что те, кто нес деньги на рублевые вклады под волшебные проценты, остаются в плюсе, а я в дураках? — вопрошал он, в очередной раз закрывая страничку с биржевыми курсами валют, которая в его браузере светилась на первом месте. — Вот я болван, конечно. Лучше бы в покупку квартиры эти деньги вложил, все только собирался...

Новый мир рождался на глазах, и все в какой-то степени были его акушерами. Кто-то бегал по магазинам, в панике сметая гречку и туалетную бумагу, как когда-то в начале ковида. Кто-то густо намазал лыжи и уже катался по городам не шибко дружественных государств, работая удаленно. Каждый день с сумасшедшей частотой очередная новость сменяла предыдущую, уследить за этим мог только морально стойкий и усидчивый читатель. На кого-то, как на Гришу, они оказывали пагубное влияние. Некоторые проявляли мудрость и на провокации не поддавались. Одна явная отрада: телефонные жулики наконец-то угомонились и не достают народонаселение якобы от лица служб безопасности банков и следователей из полиции.

Бродя по кругу в уютном парке в выходной день, которых стало чуть больше, чем раньше, Григорий предавался разведующим мыслям. Он старался гнать их прочь, но снова к ним возвращался. Знакомый пес отвлек его внимание.

- Нет, я точно когда-нибудь утоплю всех этих собаководов!

ЗАВЕТНАЯ СУБСИДИЯ

Поздним вечером уставшего понедельника притихший рабочий чат отдела молочно-мясного скотоводства был ошарашен печальным известием: скоропостижно скончалась многоуважаемая Элла Рудольфовна Ш.

Новость, по правде, для всех неожиданная, поскольку боевая тетка, совсем недавно отметившая пятидесятилетний юбилей, была известна своим неумолимым трудолюбием, чрезвычайными организаторскими способностями, неиссякаемой бодростью духа и по-юношески горящими глазами. Никто и не мог предположить, что подобное случится. Но у коварного геморрагического инсульта, как говорится, были свои планы. Подоспевшая врачебная бригада, несмотря на все предпринятые меры, ничем помочь не смогла.

Проработав в отделе добрых двадцать восемь лет, придя молодой, подающей надежды девушкой, только что окончившей сельхозакадемию, и дослужившись до его начальника (принимая во внимание всевозможные слияния, преобразования и ликвидации), она была живой легендой всего департамента животноводства, да чего уж там скромничать — министерства.

И стар и млад регулярно обращались к ней за мудрым советом и помощью, а та в свою очередь всегда была готова подействовать и словом, и делом. Под ее чутким руководством была воспитана не одна плеяда блестящих специалистов, будущих руководителей департаментов и заместителей министра, и только лишь природная скромность Эллы Рудольфовны не позволила ей самой занять столь высокую должность.

Мы все понесли невосполнимую утрату, ведь на таких профессионалах держится государственная служба в нашей стране! Память о ней будет вечно жить в сердцах.

О времени и месте прощания с Эллой Рудольфовной будет сообщено дополнительно.

Примерно что-то подобное, но в более официальном стиле мог прочесть каждый входивший в здание Минсельхоза на следующее утро после столь трагического и непредвиденного события. Траурную тумбу с некрологом и фотографией, на которой ныне усопшая выглядела лет на десять моложе, расположили в холле, напротив стеклянных дверей, для всеобщего ознакомления, хотя внушительная часть работников и служащих была уже и так в курсе произошедшего.

Заместитель начальника отдела молочно-мясного скотоводства, сам того не предполагая, превратившийся во ВРИО, начал трудовой день с неуклюжей минуты молчания и объявления:

— Ну, в общем, я сейчас до руководства департамента отойду...

«Еще одного отошедшего нам не хватало», — подумал вечно шутящий Стасик, с трудом сдержавшийся от озвучивания подобной мысли вслух.

— Надо переговорить по поводу организации похорон, поминок, там, и так далее, — продолжал Роман Александрович. — Думаю, что всем нам сегодня не до работы. Короче говоря, как оно обычно бывает у нашего Станислава — берем с него пример.

Стасик с ухмылкой, обозначающей «уметь надо», посмотрел в сторону уходящего зама.

Повздыхав пару-тройку минут о безвременной кончине бессменной шефини, народ принялся заниматься своими делами, далекими от исполнения служебных обязанностей: кто-то уткнулся в экран смартфона, штудируя новостную ленту, а те, у кого монитор рабочего компьютера смотрел в стену, усердно защелкали мышками, рассекая по бескрайним просторам Интернета в поисках технологичных товаров для дома, туристических путевок, модных весенне-летних коллекций одежды, параллельно им-

портированных автомобилей и прочих прелестей современности по потребностям, пусть и в ограниченном масштабе, но достаточно представленных для того, чтобы убить час-другой рабочего времени. Из чайного уголка доносился диалог:

— Да-а-а... жалко тетку. Вот так вот живешь себе, работаешь, планы какие-то строишь. И тут раз, в один момент, и все — приехали, — философствовал Илья, не так давно устроившийся в отдел и не успевший толком познакомиться с покойной. — Вот только буквально вчера из кабинета выходили с тобой, а она тут еще за столом сидела, кому-то названивала. А сегодня возвращаемся, а она нас не за столом, а у входа встречает. И не она, а ее фотография черно-белая. Жесть!

— И не говори. Так внезапно. Энергичная она у нас была, по врачам не ходила. Может быть, и зря не ходила? Как думаешь?

— Да кто ж его знает, Мих? В этом вопросе никак не угадаешь. В любой момент может что угодно приключиться.

— Ну, раз в три года хотя бы стоит проверяться, как мне кажется.

— Ну может. Не знаю.

В кабинет резко ворвался возбужденный Роман Александрович. Народ в быстром темпе попрятал гаджеты и позакрывал любопытные вкладки браузера, создавая видимость пусть и не бурной, но более-менее рабочей деятельности.

— Короче, заканчивайте тут. Помощь ваша нужна.

Илья и Миша переглянулись, ВРИО распорядился:

— Илья, хорош чай гонять, садись за комп, ищи венки. Сказали, чтоб с лентой от отдела был обязательно. Текст я тебе потом продиктую. А ты, Михаил, давай со мной, по дороге расскажу.

Пол-литровая белая кружка с надписью «Планы на день» и каким-то схематичным рисунком осталась остывать неотпитой. Илья, захватив с рабочего места свой зеленый чай с жасмином, принялся выполнять нестандартное поручение.

За подготовительной суетой и решением всяческих организационных вопросов, большую часть которых взяли на себя Роман Александрович и руководство департамента, пролетело три дня.

Ранним утром солнечного весеннего четверга сотрудники министерства от мала до велика потянулись к дверям культурного центра, куда из морга доставили тело бывшей начальницы отдела. По пышности и важности церемонии можно было бы предположить, что хоронить собираются самого министра — таким уважением и авторитетом пользовалась при жизни Элла Рудольфовна.

Она, облаченная в строгий костюм, не производила впечатления мертвой, а выглядела так, будто сейчас полежит немного, передохнет и совсем скоро встанет раздавать команды и поручения в своем непревзойденном артистичном стиле. Подходящие проститься все как один отмечали начальственное выражение лица и серьезный вид, будто бы она не лежала в гробу, а готовилась выступить на важном совещании.

Барражировали слухи о прибытии высшего начальства. Заместитель министра, непосредственно курирующий департамент, появился с букетом красных роз в черной непрозрачной пленке. В зале собралось внушительное количество сотрудников и родственников. Зачитали речь, примерно такую же по содержанию, как было выписано в некрологе.

Работники отдела, временно оставшиеся без руководителя, сгруппировались в одном из концов зала. Было принято коллективное решение ехать на кладбище всем, оставив лишь одного Илью на хозяйстве как самого молодого.

— Интересно, сколько сейчас по пробкам тащиться? — шептал Миша потерянной Лере, смотревшей куда-то в одну точку и занятой своими собственными размышлениями.

- Час точно будем ехать, я думаю, — через паузу ответила она.
- Пауэрбанк есть? — не унимался он. — А то с утра забыл зарядиться.
- У Стасика спроси. Он у нас вечно из телефона не вылезит.

Станислав, в коем веке надевший приличный костюм, елозил пальцем по экрану мобильного, освещавшего его сосредоточенную физиономию.

Церемония прощания подходила к концу. Большая часть народа, отдав дань уважения, разошлась по рабочим местам. Несколько крепких, специально обученных ребят под одиночные женские всхлипывания вынесли гроб с телом на улицу и погрузили в катафалк. Предстояла долгая последняя земная дорога за пределы города к месту отпевания и погребения.

Расторопные сотрудники отделов министерства и родственники усопшей без особых промедлений расселись по машинам. Комфортных мест в автомобилях, как оно обычно бывает в результате ряда организационных упущений, хватило не всем. Стоя у выхода из культурного центра, припозднившиеся Лера, Миша и Стасик решали, кто поедет в «ауди», а кто... с бывшей руководительницей.

— Не, ребят, не знаю, как вы, а я покойников вообще не перевариваю, — плакался Стасик. — Ну то есть если там где-нибудь в сторонке постоять посмотреть, это еще куда ни шло, но так, чтобы целый час, а то и больше в таком тесном соприкосновении. Нет! Я этого не переживу. Давайте без меня. Ладно?

— Вот так джентльмен у нас нашелся, — парировала Лера, — совсем не хочешь уступить даме место?

— Ага. Совсем не хочу. И между прочим, подобная поездка сейчас полностью в твоих интересах, — кивнул он в сторону залегающего в траурный микроавтобус мужчины средних лет в черном пиджаке.

Квартирный вопрос, как нам известно, сильно испортил москвичей. Но помимо москвичей он еще изрядно попортил всяческого рода чиновников, служащих, военных и прочих очередников, дожидаящихся волшебного дня зачисления райской суммы на банковский счет с целью приобретения собственного жилья. Никто из страждущих точно не знает, когда это произойдет и на кого распределят искомые денежные средства. О заветной субсидии мечтали все, кто хоть каким-то образом мог на нее претендовать — не за зря же столько лет горбатиться на службе за сравнительно небольшие зарплаты, а тут есть шанс, хоть и небольшой, но он есть, загрести целую кучу денег на покупку квартиры. Это же мечта! А без мечты человеку ну никак нельзя.

Валерия Круглова исключением не являлась и уже несколько лет хранила надежду на сказочное зачисление. Но будучи далеко не самой пробивной и наглой фигурой, она смиренно ждала счастливого случая, не прибегая к каким-то дополнительным ухищрениям, чтобы замаслить главного титана всей этой жилищной эпопеи — секретаря магической комиссии, на которого так настойчиво указывал Стасик.

Лера проводила взглядом ловкого бюрократа, расположившегося в темно-печальном транспортном средстве, покрутила в голове всевозможные варианты некомфортабельной поездки и решила последовать наставлению Станислава, которому в силу природной лени, во-вторых, и наличию солидной бабушкиной трешки в Сокольниках, во-первых, такое путешествие однозначно было ни к чему.

— Потом еще спасибо скажешь! — запулил он вслед уверенно шагающей Лере. — На новоселье не забудь пригласить!

Валерия, обернувшись, постучала пальцем у виска, мол, зачем так орать-то, и села в автобус к бравому секретарю.

— Стало быть, вдвоем поедем, — ни капли не смущаясь, начал разговор Эдуард Артемович. — Или втроем? — чуть подумав, добавил он.

— Да уж. Как-то так, — неловко улыбнулась Лера.

Водила похоронной «газели», дымя противной сигаретой, захлопнул задние двери, создав в салоне угрюмое освещение, обогнул машину, долбанул пару раз грязным ботинком по переднему колесу, отряхивая то ли колесо, то ли ботинок, и залез в кабину. Траурная процессия отправлялась в путь.

Некоторые малоопытные работники министерства легкомысленно полагают, что самым значимым лицом в работе любой комиссии (в том числе и жилищной) является ее председатель. Как далеки они от истины! Ведь самая значительная должность — это должность ее секретаря. Секретарь проверяет, секретарь направляет, он же принимает и ведет учет, вносит предложения, выдает справки и совершает целый ряд иных казенных, но чрезвычайно необходимых формальностей, из-за которых ценность его возрастает до заоблачных вершин. Члены же комиссии, несмотря на куда больший должностной статус, в подавляющем количестве случаев выступают в роли кивал, безропотно выполняющих волю всесильного мужа.

Не каждому простому смертному выпадает шанс добиться аудиенции у столь представительного товарища, и многие, несомненно, позавидовали бы неожиданно свалившейся на Леру возможности пообщаться с самим Эдуардом Артемовичем, пусть и в весьма, так сказать, необычной обстановке. Но Лера, как мы уже отмечали, в силу характера, воспитания, ну, и, безусловно, сложившейся ситуации не решалась заводить беседу первой. Неудобное молчание прервал сам секретарь:

— Давно под ее началом-то работали? — интересовался он, одновременно смотря на Леру и поворотом головы указывая на богатый гроб с телом Эллы Рудольфовны.

— Да где-то лет восемь, — полушепотом, как будто стесняясь бывшей начальницы, отвечала она.

— Целая бесконечность, — пытался шутить Эдуард Артемович.

— А, да. Поняла, — уже более уверенно улыбнулась Лера, — можно и так сказать.

Помолчали еще. Всемогущий бюрократ, проникнутый симпатией к обаятельной Лере, одинокой матери двоих детей, продолжал проявлять словесную инициативу:

— Я, кстати, сам в свое время мог у нее в отделе оказаться. Но там то ли должностей свободных не было, то ли за счет других не захотели назначать, как оно у нас обычно бывает не для нужных людей, — рассказывал он, демонстрируя Лере свое крестьянское происхождение. — В итоге получилось, как получилось, я не расстроился.

«Еще бы он расстроился — в жилищной комиссии сидеть», — подумала Валерия. — Да и у меня, в общем-то, дела неплохо идут в отделе, много чему у нее научилась, хорошая женщина была, справедливая.

— Да. Соглашусь. Сам не раз с ней пересекался по различным вопросам. Таких людей у нас мало... и все меньше.

Повисла очередная пауза. Лера краем глаза, обернувшись через плечо, наблюдала за улицей: автомобилисты на Садовом традиционно тыркались в дневной пробке (интересно, куда они все время едут?), по правому ряду, синея, ввиду отсутствия выделенной полосы пробивалась легендарная «букашка», ныне электробус. Миновали нарядное здание Склифа.

— О! А вот здесь раньше ресторан «Огни» был, — Эдуард Артемович сменил тему с героической на гастрономическую, — помню, отличные завтраки готовили за триста пятьдесят рублей. После бессонной клубной ночи самое то! Да-а-а... было время, — и на губах его проявилась едва заметная блаженная улыбка.

«Ах, ты ж тусовщик лохматый» — так оценила Лера данное откровение из прошлого.

— Интересно, что сейчас на этом месте?

— По-моему, «Ламбик», — присмотревшись, считала Валерия.

— Ох уж мне этот вездесущий «Ламбик», по всей Москве понаоткрывались.

— Ну, рядом слева до сих пор «Курвуазье», — блистала знанием столичных заведений Круглова.

— Ой, правда? Ну дай бог ему здоровья! — с неподдельным энтузиазмом выдал Эдуард Артемович. Ресторанная тема была ему особенно близка. — А вы-то как сами? Частенько бываете?

— Ну-у-у... сейчас уже не так часто, — смущаясь, выговорила она, — в основном дома едим. Я вот стараюсь в театр выбираться, по возможности, конечно.

— В театр? Очень интересно! Сто лет там не был. И чего там сейчас показывают? — вполне себе искренне любопытствовал секретарь.

— Да чего только не показывают! В Москве их более ста — точное число вряд ли кому-то известно. Мы вот с подругами МХТ Чехова любим. Практически все там посмотрели уже.

— И что посоветуете?

— Если из современного, то «Механику любви». Сам спектакль хоть и больше для женщин, как мне кажется, но и некоторым мужчинам тоже нравится. По крайней мере, текст пьесы, в отличие от многих других аналогичных, прописан адекватно и с юмором. Без этих...

— Маточных рыданий?

— Ну да, можно и так сказать, — слегка сконфузившись, подтвердила Лера. — А вам, мне почему-то кажется, может «Игра в городки» со Стояновым понравиться. Ну и «Мастер и Маргарита» на основной сцене. Тут как бы и так все понятно — в этом театре плохо ставить Булгакова просто нельзя.

— Ладно. Спасибо. Буду иметь в виду. Может быть, и меня с собой как-нибудь возьмет? — неожиданно для Леры закидывал удочку секретарь комиссии и, как ей показалось, даже немного придвинулся в ее сторону, нисколько не смущаясь присутствия усопшей Эллы Рудольфовны.

— Ну да, конечно, почему бы и нет, — растерявшись, соглашалась она.

— Отлично! Вот и договорились, — и Эдуард Артемович легонько положил (но сразу же убрал) ладонь на изящную ручку с тонкими длинными пальцами, которую Валерия держала у себе на колене.

Сердце ее заколотилось с удвоенной частотой, к щекам подступила краска, и если бы не глухая тонировка, создававшая в салоне непробиваемую темноту, государственный муж без труда бы заметил накотившее смущение.

— Вы заходите ко мне. Не стесняйтесь. И о деле вашем тоже переговорим, — как бы подмигивал он ей. — Так. Завтра у нас что? — рассуждал он сам с собой. — Пятница. Не, в пятницу не надо, неприятный день. А вот в понедельник в самый раз. Часиков так в десять. Идет?

От быстрых переходов Лера потеряла нить беседы. «Рестораны», «театр», «прикосновение теплой руки», «неприятный день» звенели у нее в голове.

Опомнившись, она посмотрела на Эдуарда Артемовича и кивнула в знак согласия.

— Вы вот, Валерия, скромничаете, а некоторые наиболее ушлые служащие, в том числе из категории руководителей, вообще не сомневаются в своем успехе.

Лера, моргнув от очередного непрогнозируемого поворота, приоткрыв рот с пухлыми губками, принялась внимательно слушать.

— Мне вот рассказывали, что в Минэке, по-моему самом фантастическом министерстве из всех, что у нас вообще существуют, есть один заместитель директора департамента по фамилии Таракашкин. Так вот этот самый Таракашкин, как настоящий

жук, пару-тройку лет назад получил ни много ни мало, а субсидию практически в пятнадцать миллионов. Неплохо, да?

— Ну да. Я бы даже сказала, что очень хорошо.

— Но ладно бы он был нуждающимся. Ну, то есть по бумагам он таковым и являлся, потому что ни у него, ни у жены, ни тем более у малолетнего ребенка не было достаточного по нормативу количества метража в собственности. Но по факту они уже и так жили в трехкомнатной квартире, где-то на юго-западе, которая досталась отцу жены, бывшему вояке, от государства и просто была на него оформлена. То есть наш, ну то есть их, Таракашкин, по сути, получил деньги у государства на покупку же государственной квартиры у самих себя и таким образом тупо их обналичил.

— Может, там с родственниками не все так просто было? — проявляла веру в российское чиновничество Круглова.

— Сомневаюсь. Знакомые говорят, что этот жук еще со студенчества каждый рубль на калькуляторе считал. Бывает, принесут счет в ресторане, а он так губки подождет и пальчиком по кнопкам тыкает. У этого точно все распределено и спланировано. Лучше бы они так нашей экономикой занимались, паразиты! На Донбасс бы его сослать, пусть там отрабатывает! — разгорячился Эдуард Артемович. — Так что пятнадцать миллионов не кисло пополнили их семейный бюджет.

— Да уж, действительно. Приличная сумма.

— Вот и я о чем. Бояться не надо — надо действовать! У нас хоть и своих очередников полно, но, уверен, что далеко не все из них прямо стопроцентно соответствуют всем предъявляемым требованиям. Думаю, что кто-то из них непременно отвалится, а тут и ваш черед подойдет, — игриво посмотрел он прямо в глаза продолжавшей смущаться Лере.

Тем временем похоронная процессия уже куда более активно продвигалась по Дмитровскому шоссе на север, в сторону МКАДа.

Лера до конца не понимала, как правильнее ей себя вести: рядом настойчивый секретарь, в гробу — бывшая начальница, из кабины водителя отвратительно потягивает табакком, но на кону судьбоносный вопрос, так что она решила слепо отдаться подвернувшемуся случаю.

— Чего так воняет-то? — Эдуард Артемович также не оставался равнодушным к зловонному аромату. — Самокрутку, что ли, наш водила курит? Вот колхоз, блин! — и он принялся сдержанно материть (все-таки в салоне дамы) рабочего мужика.

По дороге к храму, в котором должно было проходить отпевание, Валерия и Эдуард Артемович еще успели переговорить об актуальных сложных новостях, повздыхать об ушедших брендах и закрытых границах, обсудить некоторых знакомых коллег по министерству, с которыми, как выяснилось, когда-то вместе учились, посетовать на возросшее количество бумажной работы и просто помолчать, в какой-то момент даже забыв о присутствии Эллы Рудольфовны. Траурный кортеж, благополучно миновав подлые московские пробки, побороть которые было не под силу даже самому Сергею Семеновичу Собянину, подъезжал к Казанской церкви.

Прощающиеся в хаотичном порядке задумчиво расположились вокруг гроба с усопшей. Запах ладана, разносившийся по храму, был куда более приятен Лере, чем водительская самокрутка. Священник протяжно пропел, а хор трижды подхватил «вечную память», от чего у присутствующих в церкви невольно навернулись слезы. Роман Александрович, по стойке смирно, напряженно прислушивался к каждому слову священника. Со стороны это выглядело так, будто он принимает присягу и уже готов сию минуту загустеть на ответственное боевое дежурство. Миша с интересом изучал иконостас.

На грустного Стасика, державшего в руках горящую свечку вместо смартфона, смотреть было крайне непривычно. Церемония отпевания завершилась.

Гроб с телом когда-то могучей руководительницы опустили в землю не менее обученные крепкие мужчины, чем были ранее. Присутствовавшие бросили по традиционной горсти холодной апрельской земли. На этом заканчивался славный земной путь Эллы Рудольфовны.

Классические для погоста вороны перекаркивались, сидя на голых ветках. На некоторых, по всей видимости, не так давно прибранных могилах лежали конфеты и отмытые венки. Вероятно, народ по старой привычке, тянущейся из советского прошлого, продолжает приходить на кладбище на Пасху. Дискуссия по поводу правильности или неправильности данной традиции не ослабевает.

* * *

Раскрасневшиеся дети оголтело носились за замученным котом по хоть и не новой, но весьма сносной двушке в Черемушках. Несчастное животное, въехав в незнакомые метры, еще не успело подыскать себе укромное спасительное местечко. Лера, сидя за вкусным столом, принимала поздравления с долгожданной покупкой от друзей и сослуживцев, прибывших по случаю новоселья.

— Валерия, соседей тебе адекватных и мест парковочных бесплатных! — с рюмкой водки в руках первым взял слово Роман Александрович, уже на правах полноценного начальника отдела без пресловутой приставки ВРИО.

— Ну об этом пока что рано, — застенчиво отвечала она.

На этом празднике новой жизни были и дальновидный Стасик, как обычно залипавший в телефоне, и любознательный Миша, и знаток похоронных венков Илья, а вот Эдуарда Артемовича среди гостей не наблюдалось.

Мы не знаем точно, ходили ли они с Лерой в театр или, может быть, даже в ресторан, а может, и еще куда-то, все вполне возможно, и это, как говорится, их личное дело. Но то, что Валерия в назначенный понедельник явилась к влиятельному секретарю — это нам известно наверняка. Эдуард Артемович как истинный бюрократ принял ее достаточно официально, но во всех отношениях учтиво и любезно, так что через какое-то непродолжительное время в результате стечения ряда канцелярских обстоятельств мечта ее осуществилась. Теперь Лере предстоит обустроить быт и находить себе новую мечту. Ведь без мечты человеку ну никак нельзя!